

Обратим внимание, что на время записи фольклорно-этнографического материала исследователями были зафиксированы примеры использования обоих методов. Между тем, это несколько не соответствует гипотезе эволюции религиозно-мифологических представлений. Метод, который построен на обращении к сверхъестественному существу, должен был появиться существенно позднее, чем метод, основанный на использовании общих космологических представлений. Представления о существовании Космоса с имеющими определенные характеристики локусами должно было появиться значительно раньше представлений о том, что в этом Космосе обитают сверхъестественные существа, соотносящиеся с теми или иными сферами бытия, к которым человек может обратиться. Почему же более архаичный метод не был вытеснен более новым? Почему сосуществовал с ним? Не является ли это свидетельством несостоятельности теории развития традиционных представлений?

На наш взгляд, у этого феномена есть несколько причин. Во-первых, особенности локальной традиции. Единство информационного поля народной культуры распространяется, скорее, на более фундаментальные понятия и концепции, чем на особенности отдельных ритуалов. Поэтому легко можно представить, что в некоторых местностях сохранились более архаичные приемы просто в силу ориентированности традиции на идеал прошлого.

Во-вторых, несмотря на свою большую эффективность, теистическая магия имеет и существенные недостатки. Да, она оперирует несравненно большими возможностями, поскольку в задачу человека входит лишь обращение к сверхъестественному существу, а дальше действует уже оно. Но, вместе с тем, обращение к сверхъестественному персонажу носит более «растянутый» во времени характер. Магия же разделения как раз применяется в основном в «острой» ситуации встречи с волком, когда действовать надо быстро. То есть, более древний прием мог сохраниться именно в силу того, что он был удобнее для применения в определенной ситуации.

В-третьих, утрата отдельных элементов или даже целых пластов информации в рамках традиционной культуры неизбежна. В силу преимущественно устного ее характера, испытываемого влияния со стороны государства, господствующих идеологических и социально-экономических систем, знания теряются, искажаются, забываются. Особенно сильно уязвимыми к этому фактору оказываются развитые религиозно-мифологические представления, основанные на значительных объемах специфической информации, сакральные (что, в числе прочего, означает: тайные, передаваемые ограниченному числу людей) мифы, специфические ритуалы и пр.

Впрочем, нужно отметить, что наличие актуальной проблемы, подлежащей решению, побуждало к созданию новых способов и методов магического воздействия, которые использовали бы все нововведения, самые свежие решения и новейшие достижения в религиозно-мифологической сфере. Поэтому выпадение элемента в цепочке передачи магических практик приводило лишь к тому, что на место забытой методики заступала вновь созданная. Причем создавалась она на базе материалов, имеющихся в тот момент времени в распоряжении колдуна. Более архаические представления являются зачастую более устойчивыми, они сильнее отражены в самых разных областях народной культуры, как духовной, так и материальной. Все это может легко стать основой для нового магического ритуала.

Этот момент объясняет как возможные «откаты» назад по эволюционной лестнице, так и создание множества мелких магических актов – выгона скота в праздник покровителя волков [5, с. 184–185], замыкание пасти волку [5, с. 177], переносить навитую основу из деревни в деревню [5, с. 247] и т.д. Причем все это могло как создаваться на месте, так и заимствоваться в окружении – магические приемы рассматривались как одна из разновидностей полезного знания и распространялись от одной местности к другой. Но даже в случае восстановления ритуала ничто не мешало дополнять и «усиливать» его воздействие всем доступным множеством магических воздействий, имеющих основу в более архаических религиозно-мифологических представлениях.

Постоянная актуальность защиты от волков и невозможность решить ее «реальными» методами обусловили сохранение соответствующих магических ритуалов. В случае же невозможности их сохранения потребность в защите приводила к созданию новых обрядов, в том числе и на основе более архаических представлений, сохранившихся в различных элементах традиционной культуры. Наличие множества отдельных методов магической защиты от волка, являющихся производными от представлений самых разных этапов развития религиозно-мифологической системы, не отменяет, таким образом, общей картины их эволюции, но является свидетельством устойчивости традиционной культуры, ее способности восстанавливать утраченные элементы на основе сохранившихся.

Список литературы:

1. Дембовецкий, А. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / сост. [с предисл.] ; ред. А. Дембовецкого. – Могилев на Днепре, 1882-1884. – Кн. 2. – 1884. – 685 с.
2. Мишин, П. Образ волка и его связь с образами божеств в мифологической системе белорусов / П. Мишин // Весн. Полац. дзярж. ун-та. – 2002. – № 1. – С. 17–20.
3. Мишин, П. Представления белорусов о связи волка со сферой «чужого» и их использование в традиционной культуре / П. Мишин // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : матэр. Міжнар. навук.-практ. канф. (г. Мінск, 10-11 ліст. 2011 г.). – Мінск, 2011. – С. 293–297.
4. Никифоровский, Н. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. (Этнографические данные) / Н. Никифоровский. – Витебск, 1895. – 552 с.
5. Никифоровский, Н. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собраны в Витебской губернии / Н. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 336 с.

Vera Mishyna

**СИМВАЛІЧНЫ СТАТУС ЭЛЕМЕНТАЎ ТРАДЫЦЫЙНАГА
КУЛЬТУРНАГА ЛАНДШАФТУ Ў ВЯСЕЛЬНЫМ ФАЛЬКЛОРЫ
БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ: САД І ЛЕС**

Vera Mishyna

**ELEMENTS SYMBOLIC STATUS OF TRADITIONAL CULTURAL
LANDSCAPE IN THE DZVINA BELARUSIANS WEDDING FOLKLORE
MOVE: GARDEN AND FOREST**

*Разгледжаны сімвалічны статус саду і
лесу як элементаў традыцыйнага
культурнага ландшафту ў традыцыйнай
вясельнай абрданасці беларусаў Падзвіння.*

*The article deals with the symbolic status of
the garden and the forest as the elements of
the traditional cultural landscape in the
Dzvina Belarusians traditional wedding
ritual move over.*

У сістэме традыцыйнай вясельнай абраднасці беларусаў Падзвіння, як і ў іншых абрадах сямейнага цыклу, сімвалічную інтэрпрэтацыю набываюць самыя разнастайныя аб'екты культурнага ландшафту, як прыроднага, так і антрапагеннага характару. З'яўляючыся сродкамі мадэлявання і структуравання абрадавай прасторы, яны арганічным чынам упісваюцца ў рытуальны кантэкс, выконваюць важнейшыя рытуальныя функцыі, суадносяцца з глыбіннай семантыкай вясельнага абраду пераходу. Некаторыя элементы культурнага ландшафту (напрыклад, дом (сядзіба), царква, дарога) дастаткова добра прадстаўлены як на ўзроўні разгортвання вясельнага абраду ў рэальнай прасторы, так і ў на ўзроўні міфапаэтычнай мадэлі, адлюстраванай у вясельных песнях і галашэннях. Іншыя аб'екты не задзейнічаны ў рэальным абрадзе, не маркіруюцца якімі-небудзь значымі абрадавымі дзеяннямі, аднак, з'яўляючыся неад'емнымі складнікам традыцыйнай карціны свету, надзелены багатай сімволікай і шырокім спектрам рытуальных функцый, што выяўляюцца ў багацейшым пласце вясельнага абрадавага фальклору. Да ліку такіх элементаў, у прыватнасці, належаць локусы «сад» і «лес». Іх сімвалічны статус разглядаецца ў дадзеным артыкуле, напісаным у межах выканання праекта «Семантыка традыцыйнага культурнага ландшафту Беларускага Падзвіння: эвалюцыя і трансфармацыя ў XX–пачатку XXI ст».

Сад. У вясельным абрадавым фальклоры семантычнае нападненне вобразу сада дыферэнцыруецца ў залежнасці ад таго, да якога этапу вясельнага прымеркаваны канкрэтныя ўзоры вясельных песень. Так, у песнях, падрыхтоўчыха этапу вясельнага сада выступае як замкнёны і выключна дзявочы локус, пры гэтым упарадкаваны і «акультураны» жамой маладой: «За варотамі зелін сад / Ніхто ў тым садзі ні бываў, / Адна Мар'ютка бывала, / Чірвону рожу садзіла, / Сіні высількі сеіла, / Гібікі лавычкі масыіла, / Кырагод дзевычык садзіла, / Стада галубей пріўчыла» [7, с. 366]. Але другая частка гэтага і яму падобных тэкстаў, як правіла, ўтрымлівае апісанне дэструктыўных дзеянняў жаніха: «А ехуў Іванька сам-дзіят, / Пусьціў коніка ў зелін сад, / Чірвону рожу пытыптаў, / Сіні высількі пысырваў, / Гібікі лавычкі пылымаў, / Карагод дзевычык разыгнаў / Стада галубей пыстрылаў / Маладую Мар'ютку к сабе ўзяў» [7, с. 366]. Сад як акультураная прастора з «дзявочай» сімволікай суадносіцца з ідэяй нарматыўных паводзін маладой і ў гэтай якасці супрацьпастаўляецца лесу (бору) – прыроднаму локусу, у дадзеным кантэксце суаднесенаму з парушэннем нормы (стратай цнатлівасці): «Ай добра, добра наша Ірынка зрабіла. / Што ні хадзіла ў шчырыя бары ў арэшкі, / Што ні рабіла сваёй радзіцы насьмешкі / А хадзіла ў зялёны садок у калінку, / Пакрасіла ўсю сваю радзінку» [6, с. 138] (параўн.: «Пад ёлкай расла, / Не дзеўкай прыйшла, / Пад ёлкаю спала, / Не дзеўкаю стала, / З ёлкі звалілась, / На сук прабілась» [5, с. 204–205]).

У песнях, прымеркаваных да дзявочага вечара і пачатку вясельнага сада дапамогай вобразу саду адлюстроўваецца статуснае проціпастаўленне нявесты і групы яе сябровак-дзяўчат (чым падкрэсліваецца ўласцівая гэтаму этапу вясельнага абраду сімволіка аддзялення лімінальнага ўдзельніка): «Баярачкі, абманачкі вы мае, / Сказалі – пойдзім у зялён сад вянкi віць, / Сабе звiлі з зялёнай руты вяночкі, / А мне звiлі з калючага ядленцу / Ядленчык колiць, галоўку клонiць да зямлi» [8, с. 270].

Яскрава выражаную памежную сімволіку набывае локус сада ў песнях, прымеркаваных да другой часткі вясельнага сада. Тут можна выдзеліць дзве групы падобных сюжэтаў: маладая ў садзе чакае прыезду жаніха (спяваюцца ў час прыезду жаніха) і маладая, ужо адвезеная ў дом жаніха, чакае ў садзе прыезду сваіх бацькоў (спяваюцца на другі дзень вясельнага сада). Арганізаваны гэтыя тэксты аналагічным спосабам: «Ай, умная-разумная Матрошка / Паставіла старожачку на браду, / Сама села пад вішнямі ў саду. / - Сцеражы мая старожачка верненька: / Адкуль будзець яны месяц усходзіць, / Адтуль будзець Цімахвеечка ўяджаць» [4, с. 41]; «А умная разумная Мар'юшка / Паставіла старожачку ля броду, / Сама села пад вішанькай у саду / Адкуль ясен месяц узыйдзець, / Адтуль мой татухна (мая матухна) уз'едзець» [1, с. 400]. У падобных тэкстах сад выступае як перыферыіны локус, суаднесены з канцэптам мяжы (у якасці такой выступае ўказанне на водную перашкоду і брод), што аддзяляе месцазнаходжанне нявесты ад сферы «чужога» (у першым выпадку адтуль чакаецца прыезд жаніха, а ў другім – паколькі нявеста знаходзіцца ў доме жаніха – у якасці прадстаўнікоў сферы «чужога» выступаюць ужо яе ўласныя бацькі).

Лес (бор) у вясельным абрадавым фальклоры выступае (акрамя пазначанай вышэй апазіцыі саду ў плане суаднесенасці з нарматыўнай сістэмай) таксама ў якасці элемента сістэмы граніц, якія прыходзіцца пераадольваць дружыне маладога на шляху да нявесты: «Ай, нуце, нуце, сівыя коні, / Пад намi, / Нам яшчэ ехаць чатыры мiлi / Палямi, / А пятую – зялёнымi лугамi, / А шостую – драмучымi лясамi, / А сёмую – iмшыстымi лясамi, / А восьмую – вялікімi сяламi, / А дзевятую – тою вулачкай, / Дзе мёд п'юць, / А дзсятую – тою хатачкай, / Дзе нас ждучь» [2, с. 427]. Калі вясельны поезд рухаецца ў локус жаніха, бор сваім шумам ужо сігналізуе аб прыездзе маладой: «А ехалi мы барамi, / А сталi барочкi шумець, / А выйшлi баяры глядзець, / Цi не пан той едзець барамi, / Цi не панно вязе канямi. / Ай, пан той едзець – Васечка, / Ай, панно вязець – Валечку» [5, с. 69].

Адначасова лес, як аб'ект, максімальна супрацьпастаўлены сядзібе ў сістэме апазіцыі «сваё-чужое» выступае ў якасці адной з характарыстык локусу маладога з пункту погляду нявесты: «І радзілася – не была, / Куды мяне матухна аддала / Па самыя ваконне – сасонне, / Па самы жа двор – шчыры бор, / Па самыя вароты – балоты / Па самыя парогі – дарогі / Пасярод двара – куст лазы» [5, с. 355].

У цыкле сiроцкiх вясельных песень, вялікая колькасць якіх была зафіксавана на Падзвіннi, сад і лес – у тым цi iншым выглядзе выступаюць як зона камунікацыі з iншасветам, з памерлымi бацькамі маладых: «А хто там у цёмным лясочку гамоніць? / А там Анечка з родным таткам гаворыць. – Устань, родны татачка, не ляжы, / А ты ж мне хоць адiн дзiнечак паслужы» [3, с. 227–228]; «Татулька родненькі (мамулька родная), на барок усхаджу, / На барок усхаджу», а дзень добры даю» [8, с. 279]; «Дзiцятка, Таіска, схадзі-ка ў садочак, / Схадзі-ка ў садочак, наймi салавейку. / Салавей злятаець, к зямлi прыпадаець. / К зямлi прыпадаець, татку пабуджаець» [3, с. 151].

Такім чынам, сад і лес як элементы традыцыйнага культурнага ландшафту беларусаў Падзвіння, у вясельным фальклоры надзяляюцца найперш памежным статусам, служачы ўвасабленнем граніц паміж рознымі часткамі абрадавай і міфапаэтычнай прасторы (локус жаніха і локус нявесты, свет жывых і свет памерлых), а таксама зонай камунікацыі паміж імі. У сацыякультурным плане сімвалічны вобраз сада выкарыстоўваецца для адлюстравання ідэі пераходу (змены статусу) а таксама супрацьпастаўляецца вобразу лесу ў суаднесенні з нарматыўнай сістэмай традыцыйнага грамадства.

Спіс літаратуры:

1. Вясельне: Абрад / уклад., уступ. арт. і камент. К. Цвіркi; муз. дад. З. Мажэйка; рэд. тома В. Бандарчык. – Мiнск: Бел. навука, 2004. – 683 с.
2. Вясельне: Песнi. У 6 кн. / рэд. М. Грынблат. – Мiнск: Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 1 / склад. Л. Малаш; муз. дад. З. Мажэйка. – 1980. – 680 с.
3. Вясельне: Песнi. У 6 кн. / рэд. А. Фядосiк. – Мiнск: Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 3 / склад. Л. Малаш; муз. дад. З. Мажэйка. – 1983. – 768 с.
4. Вясельне: Песнi. У 6 кн. / рэд. А. Фядосiк. – Мiнск: Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 4 / склад. Л. Малаш; муз. дад. З. Мажэйка. – 1985. – 733 с.
5. Вясельне: Песнi. У 6 кн. / рэд. А. Фядосiк. – Мiнск: Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 6 / склад. Л. Малаш; муз. дад. З. Мажэйка. – 1988. – 664 с.
6. Песнi Велеўшчыны ў запісах Мiколы Залатухi: з электронным дадаткам / уклад., уступ. арт. і паказ. Т. Валодзiнай; запіс тэкстаў М. Залатухi; падрыхт. аўдыядыска С. Лiсiцы. – Мiнск: Беларуская навука, 2018. – 247 с.: іл.
7. Романов, Е. Белорусский сборник. Вып. 1–9 / Е. Романов, 1886–1912. – Вып. 8: Быт белоруса. – Вильна, 1912 – 600 с.
8. Традыцыйная мастацкая культура Беларусаў. У 6 т. / Т. Варфаламеева, А. Боганева, М. Козенка [і iнш.]; склад. Т. Варфаламеева. – Мiнск: Бел. навука, 2004. – Т. 2. Віцебскае Падзвінне. – 910 с.